

«Очень по-русски, скажут французы... Очень по-французски, скажут русские»: метаморфозы романа «Тело» Е. Бакуниной во французской и русской литературной критике

© 2024, Ю.А. Маричик-Сьоли

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Аннотация: Статья посвящена рецепции романа «Тело» (1933) эмигрантской писательницы Е.В. Бакуниной во французской и русской литературной критике в начале 1930-х гг. Если отклики русской критики на публикацию романа были уже проанализированы рядом исследователей, то перекрестному взгляду на восприятие творчества писательницы не было еще уделено достаточно внимания. Вопрос этот интересен тем, что позволяет выявить не только слабые и сильные стороны творчества Бакуниной, но и переосмыслить устоявшиеся в начале XX в. литературные и культурные нормы. Один из ключевых вопросов статьи — реакция критиков на вербализацию телесного опыта героини. Во Франции литературный контекст 1920-х–1930-х гг., наличие прогрессивных журналов, а также определенные тенденции в истории французской литературы и французской литературной критики способствовали пусть и мимолетному, но неподдельному интересу критиков к роману. Тогда как ориентация на сохранение лучших традиций русской литературы в изгнании, историческая «память культуры», а также требование соблюдать художественную меру привели к резкому неприятию дискурса телесности среди эмигрантских критиков. В заключении статьи делается вывод о стереотипном восприятии романа «Тело» как французской, так и русской литературной критикой и подчеркивается важность изучения творческого наследия «малых» авторов. Если французская литературная критика часто воспринимала роман Бакуниной сквозь призму отличительных черт «славянской души», то русская критика судила о романе писательницы посредством устоявшейся сетки художественных критериев (мера, вкус, женственность).

Ключевые слова: «женская» литература, «эмигрантские дочери», рецепция, дискурс телесности, художественная мера, «малый» автор.

Информация об авторе: Юлия Александровна Маричик-Сьоли — кандидат филологических наук, PhD, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-6173-6463>

E-mail: jouliamaritchik@mail.ru

Для цитирования: *Маричик-Сьоли Ю.А.* «Очень по-русски, скажут французы... Очень по-французски, скажут русские»: метаморфозы романа «Тело» Е. Бакуниной во французской и русской литературной критике // Литературный факт. 2024. № 1 (31). С. 217–241. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-217-241>

Зарождающийся XX в. со всеми масштабными геополитическими и социальными потрясениями и катастрофами способствовал появлению в литературе новой, эмансипированной, трансгрессивной героини. Я предлагаю обратиться к анализу рецепции первого романа Екатерины Бакуниной «Тело», опубликованного в Париже на русском и французском языках, дабы воссоздать и лучше понять новаторство и литературные девиации писательницы при создании своей героини.

Е. Бакунина — представительница «молодого¹» поколения эмигрантских писателей во Франции. Она приобрела скандальную, малочетную, славу после публикации романов «Тело» (1933) и «Любовь к шестерым» (1935). В романе «Тело», по словам Бакуниной, создан портрет «стандартн<ой> русск<ой> женщин<ы> в эмиграции» [3, с. 253] и описывается повседневная бытовая жизнь героини, а также ее непростые, часто мучительные, отношения с дочерью, мужем и любовниками.

Мне представляется любопытным и продуктивным сопоставление русского и французского взглядов на дискурс телесности в романе Бакуниной: реакция и суждения критиков высвечивают не только слабые и сильные стороны текста писательницы, но и устоявшиеся литературные и культурные нормы, а также теневые зоны литературы и запретные темы, вербализация которых может стать делом крайне опасным для их автора.

¹ В широком смысле слова к «молодому» поколению эмигрантских писателей относятся те, кто, в отличие от именитых авторов дореволюционной России, начал свой творческий путь за ее пределами (Г. Газданов, Н. Берберова, Б. Поплавский, Г. Кузнецова и др.). «“Молодость” — проблема не столько возраста, сколько жизненного опыта: речь шла о тех, кто начал свою литературную карьеру не в России, а уже в эмиграции. Представителей этого поколения, несмотря на разницу в возрасте, объединяли общие обстоятельства жизни и поиск новых тем без опоры на воспоминания о дореволюционном прошлом» [28, с. 350]. См. также: [54].

Екатерина Бакунина и французская литература 1920–1930-х гг.

Во Франции, как и в литературной среде русского зарубежья 1920–1930-х гг., женщине-писательнице отводилось определенное место в творческой иерархии. Несмотря на рост числа женщин-писателей и женщин-поэтов в первые десятилетия XX в., им по-прежнему трудно добиться полноценного самостоятельного признания: часто они находятся в тени своего знаменитого родственника (брат, муж) или возлюбленного². В указанный период женское творчество устойчиво занимает второстепенное положение в культурном пространстве: «высокая», «настоящая, подлинная» [44, с. 47] культура ассоциируется с мужским творчеством, а массовая — с женским. Ряд исследователей размышляют также о «восхвалении маскулинности», «фаллическом триумфализме» [40, с. 22–23] и «мизогинии» [41, с. 150], характерных для рассматриваемого периода. Наконец, деление художественного письма женщин на так называемое «женское» и «мужское» опять-таки предполагает превосходство мужской манеры письма над женской³.

«Малые» и малоизвестные представительницы «молодого» поколения писателей ориентировались на различные литературные и социо-исторические модели при создании новой, современной, трансгрессивной героини. Так, например, Надежда Городецкая в таких рассказах, как «Снег» (1933), «Женевьева» (1933), и Ирина Одоевцева в романе «Зеркало» (1939) опираются на французский типаж героини-«гарсонн», предполагающий андрогинность, сочетание как женских, так и мужских характеристик⁴. А Елена Извольская и Анна

² Стоит, например, вспомнить Нину Петровскую и Валерия Брюсова, Лидию Зиновьеву-Аннибал и Вячеслава Иванова, Ирину Одоевцеву и Георгия Иванова, Нину Берберову и Владислава Ходасевича... Что касается французской литературы, то здесь уместно будет назвать имена Катрин Подзи и Поля Валери, Эльзы Триоле и Луи Арагона, Женевьевы Фоконье и ее брата Анри Фоконье. См. подробнее: [34; 53; 10].

³ См.: [20]. О «женской» манере письма Одоевцевой и «мужской» манере письма Берберовой см. подробнее: [11; 37]. Следует обратить внимание на симметричное отношение к женскому (Колетт, Анна де Ноай) и мужскому (Рашильд, Маргерит Юрсенар) типам письма во французской литературе. См.: [53, с. 48–74].

⁴ Модель для подражания (женщина-гарсонн Моник Лербье) была создана Виктором Маргеритом в романе «Гарсонн» (1922), имевшем, с одной стороны, оглушительный успех, а с другой — подвергшемся резкой критике за свободное поведение главной героини. Сравните: «<...> она (Женевьева Буазель де Марней. — Ю.М.-С.) сидела у стойки, свесив одну ногу в коричневых брюках, а другую положив на стул соседа <...> и она мешала коктейли и любила пригубить из всех стаканов. Двдцатилетняя Женевьева приехала одна на автомобиле от самого Парижа. Иногда она приглашала мальчиков прокатиться и развивала на узких, извилистых и скользких дорогах такую скорость, что у них спирало дыхание» [9, с. 433]. Имя героини

Кашина-Евреинова в романе «Красная молодость Инны» (1927) стремятся покорить французских читателей созданием образа эмансипированной советской героини с опорой на тексты Александры Коллонтай⁵. В романе «Тело» Бакунина упоминает «поверхностных, мужеподобных, спортивных» женщин-гарсонн, но тем не менее творит иную героиню: она «серьезна и женственна, вольнолюбива» [3, с. 248].

Ближний круг источников вдохновения Бакуниной указывает на Дэвида Лоуренса с его знаменитым романом «Любовник леди Чаттерлей» (1928; в 1932 г. роман был переведен на французский язык), а также на «Путешествие на край ночи» (1932) Луи-Фердинанда Селина. Эти параллели при чтении романа писательницы были намечены еще ее современниками⁶ [23, с. 39, с. 286–287]. Однако есть еще один французский текст, который представляется значимым для понимания творческого проекта Бакуниной. Речь идет о романе «Клод» (1933) Женеьевы Фоконье, удостоенном в этом же году премии «Femina». Вот что по этому поводу пишет Бакунина в статье, посвященной роману:

Это самая простая, самая обыкновенная жизнь — брак, долг, семья. Ничего не опрокинуто, все на своих местах. (Все хочется опрокинуть и перевернуть вверх дном!). Все, как у множества, все как было и будет. <...> В эпоху, когда литература, как Самсон, с грохотом расшатала и рушит семейное здание — Клод мечтает о починке крыши своего дома старой черепицей [6, с. 296].

Бакуниной важно разрушить извечную монотонность повтора, разбить устоявшуюся триаду ценностей «брак, долг, семья». И в романе «Тело», и в более раннем поэтическом сборнике, оза-

рассказа Н. Городецкой «Снег» очевидным образом отсылает к эмансипированной героине Виктора Маргерита — Моник Лертье. «Люка встает, вынимает из сумочки ключи от автомобиля — эмблему свободы и власти над пространством, которыми современная женщина гордится так же, как ее мать гордилась ключами от шкафов и комодов, — эмблемой домашней власти и несвободы» [19, с. 499]. См. подробнее: [23, с. 166–182].

⁵ См.: [45]. Роман был написан и опубликован на французском языке. Анна Кашина-Евреинова отправляла Елене Извольской материал на русском языке, а Извольская, в свою очередь, переводила и переписывала текст на французский язык. Из переписки Извольской и Кашиной известно следующее: «<...> наша Инна должна сказать нечто новое, ни любовных сцен, ни томных умилений, в ее жизни нет и не будет, и не может быть», «она динамична, активна, беспокойна, как беспокойна современная жизнь» [50, с. 251].

⁶ Среди рецензий на французском языке параллели с романом Лоуренса и/или Селина можно найти у следующих авторов: [43; 56; 39].

главленном «Стихи» (1931), Бакунина часто прибегает к мотиву извечного и неизбежного повторения тяжелой женской доли, столь мучительно переживаемой ее героинями⁷.

При этом нужно отметить, что, судя по всему, Бакунина несколько поспешно прочитала роман Фоконье. Она характеризует Клод как женщину податливую, покорившуюся мужу и традиции, бессознательно погрузившуюся в пучину банальных домашних дел. Но это не совсем так. Героиня покоряется судьбе, но при этом прекрасно понимает, что жизнь ее безвозвратно уходит, тонет в неизбежном круговороте повседневности. Во французском романе показано медленное угасание главной героини, четкое осознание того факта, что жизнь прожита совсем не так, как ей того бы хотелось. Клод ведет дневник, пишет небольшие заметки и впечатления-воспоминания об ушедшем и сегодняшнем дне, только с течением времени поток слов истощается, записи становятся все более скупыми: «Рабыня», «Пенелопа поневоле, лишенная всякой надежды» [42, с. 174, с. 186]. Приговор, который выносит себе героиня, звучит более чем сурово: «Я потеряла свою жизнь по пути — как теряют носовой платок или кошелек» [42, с. 163]. Таким образом, обе писательницы приходят к одному и тому же выводу относительно женской доли, правда, делают это различными художественными средствами.

В письме Е. Извольской (1926), адресованном А. Кашиной-Евреиновой в период совместной работы над созданием романа «Красная молодость Инны», переводчица отмечает:

А второе, о чем я уже писала — это половой вопрос. Видите ли, для Франции все романы любви давно <нрзб> исписаны, пересказаны, и <нрзб> их не удивишь. Современные авторы давно ушли от этой литературы и описывают всякие извращения, *raffinements*⁸, психологические и патологические осложнения, и т. д. Изобразить любовь двух здоровых людей — влюбленность девочки, первая

⁷ «Сегодня и завтра — все то же, все то же,

А дни, что уходят, чем дальше — дороже» [5, с. 37].

«Я всю жизнь промолчала:

Нудный бабий век.

Пролюбила, рожала.

Вот и сорок лет» [5, с. 141].

«Время выдувает дни, как мыльные пузыри. Часы проходят по беженскому распорядку. Одно и то же. Не только у меня» [3, с. 315]; «Кто сказал, что мысль свободна? Одно из бесчисленных заблуждений! Стоит лишь вырваться из обыденщины, чтобы неизбежным возвратом размахнувшегося маятника возвратиться к исходному положению» [3, с. 310].

⁸ На франц. в тексте письма (*raffinements* — изыски, тонкости).

любовь, белые ночи, сирень и т. д. — это положительно ни к чему! [13, с. 35].

Что Извольская подразумевает под «извращениями» и «компликациями»? Исходя из широкого круга текстов конца XIX – начала XX вв., таких, как «Господин Венера» («Monsieur Vénus», 1889) и «Сексуальный час» («L'Heure sexuelle», 1898) Рашильд, «Полудевы» («Les Demi-vierges», 1894) Марселя Прево, серия романов о Клодине, написанных Колетт (1900–1903), скандальный роман «Гарсонн⁹» («Garçonne», 1922) и «Твое тело принадлежит тебе» («Ton corps est à toi», 1927) Виктора Маргерита, «Содом и Гоморра» («Sodome et Gomorrhe», 1922) Марселя Пруста, «Дьявол во плоти» («Le Diable au corps», 1923) Реймона Радиге, «Коридон» Андре Жида («Corydon», 1924) и «Я и мое тело» («Mon corps et moi», 1925) Рене Кревеля, можно сделать вывод о том, что под всеми любовными «изысками и тонкостями» Извольская, скорее всего, подразумевает смену гендерных ролей, эмансипацию и телесное раскрепощение, проституцию и супружескую измену, однополую любовь, оргии, а также зоофилию.

В таком случае круг источников вдохновения Бакуниной может быть расширен: в него входят не только знаменитые тексты, написанные почти в одно время с романом писательницы и вызвавшие бурные дискуссии в литературной среде¹⁰, но и более широкий пласт художественных произведений, охватывающих проблемы телесности, половой любви и женской свободы, права распоряжаться собственным телом и делать это по собственному желанию.

«Госпожа Бовари степей»: французская рецепция романа «Тело»

Роман Бакуниной был достаточно быстро переведен на французский язык Дусей Эргаз и опубликован издательством «Сток» в 1934 г. [38]. Важно отметить тот факт, что в этой же серии иностранных художественных текстов были изданы произведения Нобелевских лауреатов — Сигрид Унсет («Весна») и Ивана Бунина

⁹ См. подробнее: [58]. После публикации романа В. Маргерита лишили присвоенного ему ордена Почетного Легиона.

¹⁰ Необходимо заметить, что такие авторы, как Марсель Пруст, Андре Жид, Луи-Фердинанд Селин, были крайне важны для литературной эстетики «молодого» поколения писателей в целом. Установка на исповедальность, стилистическую небрежность, даже корявость, описание табуированных сцен и впечатлений свойственны всему «молодому» поколению, и творческий опыт Бакуниной не является исключением. См. подробнее: [48; 14; 54].

(«Деревня», «Митина любовь»), а также «Смятение чувств» Стефана Цвейга. Сам факт публикации перевода романа издательством «Сток» свидетельствует о том, что текст Бакуниной воспринимался в то время как часть мирового литературного процесса, а его автор занимал пусть и скромное, но достойное место в мире литературы.

Обложка альманаха «Числа» (№ 7–8, 1933), в котором был опубликован роман Е. Бакуниной «Тело».

The cover of the almanac "Numbers" (no. 7–8, 1933) in which the novel "The Body" by E. Bakunina was published.

Систематизация откликов французской прессы на публикацию романа даст нам два главных ключа к прочтению французской версии текста — раса, гений, национальный характер и телесный дискурс, историчность телесного.

Некоторые критики прочитывали «Тело» Бакуниной как типично русский роман, проявление «славянского гения» [57, с. 969] и «славянской души» [36, с. 210]. В таком случае типично русскими представлялись следующие черты: склонность к страданиям и отчаянию, потеря веры в Бога; непредсказуемость, непоследовательность, нелогичность; «цинизм», «необходимость извлекать себя в грязи» [36, с. 210]; гордость

и «излишний романтизм» [47, с. 919]. Художественные качества романа — перевод Дуси Эргаз — оценивались критиками достаточно высоко: «за видимой небрежностью формы кроется настоящая литература» [36, с. 210]; «“Тело” — это произведение, которое обжигает (перевод, выполненный госпожой Эргаз, очень хорош)» [47, с. 919]; «этот прекрасный и патетический роман Бакуниной» [51, с. 3].

Что касается «необходимости извлекать себя в грязи», то французская исследовательница Анни Стора-Ламар, автор книги «Ад Третьей республики. Цензоры и порнографы (1881–1914)», исследует запрещенную во Франции порнографическую литературу, упоминает такие романы, как «Мемуары русской танцовщицы»

(1894), «Воспоминания русской принцессы» (1899), «Надя, русские любви» (1899) и отмечает, что их авторы (как правило, анонимные или же скрывающиеся за причудливыми псевдонимами) используют русский «экзотизм с тем, чтобы добиться успеха. Содержание этих романов выводит на первый план варварство, разложение и славянскую распущенность» [59, с. 25]. Она ссылается также на Эжена-Мелькиора де Вогюэ, знаменитого автора книги «Русский роман» (1886), написавшего в одной из статей о том, что русский характер представляет собой «удивительное сочетание положительных качеств и недостатков, которое способно подтолкнуть существующие нравы к невероятному распутству» (цит. по: [59, с. 26]). Таким образом, возможно, часть критиков на самом деле находила нечто распущенное и порочное в «славянской душе», присущее исключительно «славянскому гению».

При этом нужно отметить, что ряд критиков прочитывал роман Бакуниной как подлинную «отчаянную исповедь души» [36, с. 210], наделенную не типично русским характером, а наоборот, универсальными чертами и отличающуюся «высокой художественностью» [36, с. 210]. А обозреватель «Гранд ревью» Клод Баржак считал, что роман имеет «исключительное значение» [39, с. 515] именно потому, что в нем отражается общечеловеческая правда жизни.

Что касается дискурса телесности, то описания «женской плоти, физиологии женщины» [51, с. 3] вовсе не были прочитаны как нечто шокирующее и ужасающее. Даже если анонимный автор статьи в журнале «Бюллетен де леттр» писал о «чувственности, почти животной» [36, с. 210] главной героини, эта характеристика свидетельствовала скорее о глубине и подлинности страданий затерянной в эмиграции русской женщины.

Именно в прочтении и оценке описаний «женской плоти» кроется глубинное отличие французской критики от русской: ни один из упоминаемых французских читателей романа не говорил о нелепых описаниях и «опасных» словах, найденных Бакуниной для вербализации телесного опыта. Русская критика, как мы увидим далее, придерживалась иного мнения.

Жюльен Ланоз отмечал: «Сюжет этот банален, но он становится захватывающим именно тогда, когда избегает тенденциозности, претензий на высокую интеллектуальность, стилистики в духе Ибсена и когда его единственным источником красноречия становится язык естественных и физиологических фактов» [47, с. 919]. Телесная тематика — «язык естественных и физиологических фактов» — в данном случае не является препятствием для понимания и прочтения текста,

скорее наоборот, в ней заложены элементы красноречия и правдивости — «в деталях, в тональности нет и тени наигранности» [47, с. 919], — наделяющие текст глубиной и своеобразием. Именно поэтому автор статьи предлагает еще одну модель для расширения интерпретативного поля истории главной героини Бакуниной, а именно: «мраморное лицо Афродиты IV века до н. э. <...> только она способна ответить на эту удручающую речь» [47, с. 919].

Эжен Марсан сравнивает героиню Бакуниной со знаменитой героиней Флобера, именуя ее «госпожой Бовари степей» [51, с. 3], и пишет о подлинной смелости автора: «Я не думаю, что в каком-либо другом романе женская плоть, физиология женщины были описаны с такой смелостью и наивностью (то есть со всей очевидностью)» [51, с. 3]. Сопоставление текста Бакуниной, как и романа Даниэля-Ропса «Смерть, где твоя победа?», о котором также идет речь в статье критика Марсана, с «шедевром», «аппетитными пирожными» [51, с. 3] может вызвать улыбку у современного литературоведа, но тем не менее такая оценка является неоспоримым свидетельством ушедшей эпохи, историческим фактом восприятия этого художественного текста.

Клод Баржак, размышляя о сходстве романа Бакуниной со знаменитым «Любовником леди Чаттерлей», утверждал: «вне всяких сомнений, читая ее, думаешь о книге Лоуренса <...>, но если в романе Лоуренса было много риторики, путаной и банальной, то в повествовании Бакуниной много правды: и чем тягостнее правда, тем она правдивее» [39, с. 515]. Еще одно любопытное утверждение для современного историка литературы: в мировых архивах культурной памяти сохранился именно роман Лоуренса, выделяющийся не только своей (скандальной) тематикой, но и поэтическими качествами, а не роман Бакуниной. А почти сто лет назад некоторые французские читатели находили именно в романе «Тело» искренний и верный тон повествования, подкупающий своим эмоциональным надломом.

Тем не менее нотка снисходительного отношения к современной новой героине все равно присутствует в отзыве Ж. Ланоэ. «Тело» Бакуниной сопоставляется с романом Ивонны Шаба «Портрет девушки» (1934), повествующем о трагической судьбе главной героини, ожидающей ребенка до вступления в брак и покончившей жизнь самоубийством из-за страха быть брошенной и обесчещенной. Критик Ланоэ говорит о том, что мысль о «Женщине, которая хочет помериться силами с Мужчиной», есть не что иное, как «амбициозная мечта, иллюзия» [47, с. 919]. Исходя из этого утверждения можно

сделать вывод о том, что, по мнению автора статьи, у женщины пока не может быть той свободы в любви, которой располагает мужчина.

Даже если Жюльен Ланэ называл исповедь героини «амбициозной мечтой», а анонимный читатель писал о низких, животных, проявлениях чувственности главной героини, эти факты не воспринимались как ужасный, опасный, пугающий недостаток, как пошлое инородное вкрапление в ткань текста. Скорее наоборот, для большинства критиков именно описание страданий (бытовых, эмоциональных, духовных) героини в совокупности с анализом «физиологических фактов» являлось залогом подлинного красноречия и самобытного художественного таланта. И, как было отмечено выше, здесь не обошлось без влияния «славянского гения» и излишне романтизированным и поверхностным представлением о «славянской душе».

Проанализированные выше отзывы на роман Бакуниной были написаны в основном критиками прогрессивных журналов («Эспри», «Нуфель ревю франсез», «Гранд ревю»), отличающихся свободой и широтой взглядов, а также скорее положительным отношением к происходившим в обществе изменениям. К тому же, как отмечает Жизель Сапиро, в критике конца XIX – начала XX вв. все больше и больше давала о себе знать борьба против конформизма и академизма доминирующих точек зрения в литературном поле [55].

Важно также помнить о том, что Лидия Сазонова именует «памятью культуры» [25], точнее о глубинных различиях телесного дискурса во французской и русской литературах¹¹. Французский средневековый куртуазный роман, галантный роман, традиции либертинажа в литературе, французский натурализм, процессы, возбужденные против «аморального» творчества Шарля Бодлера и Гюстава Флобера — все это способствовало расцвету, усложнению и усвоению телесного измерения литературой, языком и культурой. Как писал Ш. Бодлер Г. Флоберу: даже «самые пошлые (темы. — Ю.М.-С.) могут стать самыми лучшими» (цит. по: [55, с. 271]). Именно благодаря иной историчности телесного французская литературная критика могла сопоставлять роман Бакуниной с текстами Флобера, Лоуренса, Шаба, Даниэль-Ропса и наделяла его достаточно высокими художественными качествами, свойственными настоящему литературному произведению. Русская эмигрантская литературная критика, которая в условиях изгнания старалась сохранить «чистоту риз» [10, с. 9], оставалась верной идее литературоцентризма и «концепции Великого Канона, Большой Настоящей

¹¹ См. также: [30].

Литературы, Великой Русской Литературы» [24, с. 11] и обходила молчанием запретные темы, — иначе отреагировала на появление этого романа и на предпринятую писательницей попытку подобрать слова для описания телесного опыта.

«Тельный “вопрос”»: русская рецепция романа «Тело»

Очевидно, что контекст восприятия романа в русской и во французской литературной среде был совершенно различен. Помимо желания сохранить лучшие традиции русской литературы в изгнании, стоит упомянуть о противостоянии литературных «школ» и эстетических программ, о спорах старшего и младшего поколений писателей в эмиграции, а также и об извечных вопросах о смысле литературного труда и художественном качестве творимого литературного материала. Именно поэтому при чтении романа «Тело» русская критика ставила глобальные вопросы, сопряженные с жанровой спецификой текста (роман / «человеческий документ»), его поэтической значимостью (художественный текст / простое свидетельство) и глубинным смыслом (универсальные вопросы/ посредственные вопросы, тревожащие исключительно автора). Тогда как французская критика в своих достаточно коротких заметках, посвященных роману, усматривала в нем либо закономерное проявление национальных черт характера, либо талантливую исповедь страдающей и мятущейся души.

Выражение «тельный “вопрос”» принадлежит Владиславу Ходасевичу [32, с. 3]. В контексте статьи Ходасевича использование кавычек в слове «вопрос» красноречиво свидетельствует о том, что настоящим, серьезным вопросом эта тема никоим образом не является. Это замечание хлестко бьет по работе Бакуниной еще и потому, что понятие «тело» отсылает к заголовку ее первого романа.

Георгий Адамович, один из главных вдохновителей «молодого» поколения писателей, создатель определенной «“лирическ<ой> атмосфер<ы>”» [15, с. 303], именуемой «парижская нота», в программной статье «Человеческий документ¹²» отстаивал право этого жанра на существование и подчеркивал, что в чем-то «незабываем<ый>» исповедальный текст Бакуниной, ориентированный на «одинокого читателя», на «чтении<е> “про себя”», являет собой «нечто не менее важное и значительное, чем то, что литературой по праву называется» [1, с. 3]. Юрий Фельзен, верный литературной эстетике

¹² О жанре «человеческого документа» и его художественных особенностях см. подробнее: [15; 22].

«молодого» поколения и идее о новом литературном герое¹³, обращал особое внимание на добросовестность, точность, конкретность, правдивость литературного труда писательницы и отмечал: «Книга Бакуниной — одна из самых искренних и бесстрашных, какие приходится читать» [29, с. 217].

Но, как точно заметила О. Демидова: «Даже положительные рецензии достоинством книг признают прежде всего и главным образом правдивое изображение эмигрантского быта, а не попытку автора выйти за пределы привычных формально-эстетических и содержательных стереотипов¹⁴» [11, с. 212]. Так, например, Г. Адамович, далекий от защиты «ревнителей благонравия» [1, с. 3], писал, что в романе «Тело» у писательницы получается «Вербицкая в ухудшенном издании: все вообще эротические сцены ужасны у Бакуниной¹⁵» [1, с. 3]. В статье знаменитого парижского критика важно обратить внимание на стилистический повтор эпитетов «ужасный», «ужасающий», а также на использование прилагательных «аляповатый» и «картинный» для характеристики телесных описаний в романе «Тело».

Ю. Фельзен также отмечал, что «эпизод с англичанином» [29, с. 218] совсем не удался писательнице: «сразу не те — простые и полновесные — слова, какие отыскивались для сегодняшнего дня, сразу цветистые спорные образы, как будто найденные другим человеком» [29, с. 218]. Эпитеты «цветистый» и «аляповатый», используемые критиками, схожи с выражением «малявинские бабы», найденным В. Ходасевичем: в статье «“Женские” стихи» он противопоставляет поэтической «женственности» Ирины Кнорринг¹⁶ грубоватость

¹³ «“Внутреннем” человеке» [27, с. 211], «“голом” человеке» [7, с. 164].

¹⁴ В статье на материале женского творчества «эмигрантских дочерей» исследовательница рассматривает целый ряд причин низкой репрезентации писательниц в русском литературном каноне (с опорой на статью Р. Фон Хайдебранд и С. Винко «Работа с литературным канонам: проблема гендерной дифференциации при восприятии и оценке литературного произведения»). Реакция критики на творчество Бакуниной («Тело», «Любовь к шестерым») исследуется в пункте под названием «умаление значимости произведений как безынтересных и не представляющих особенной ценности (double standard of content)» [11, с. 211].

¹⁵ Об Анастасии Вербицкой (1861–1928), «дамском» романе и творчестве писательниц «молодого» поколения см. подробнее: [49]. Сопоставление литературного текста, написанного, как правило, женщиной, с романами Вербицкой автоматически снижало его художественные достоинства, указывало на наличие пустых и малодостойных вопросов, низводило текст до уровня «дамской» литературы.

¹⁶ Ирина Кнорринг (1906–1943) — русская поэтесса, эмигрантка.

ЕК. БАКУНИНА

Т Ъ Л О

Введение въ романъ.

То что я пишу отъ перваго лица, вовсе не значить, что я пишу о себѣ. Мое я потеряно и замѣнено образомъ женщины, отлитой случайно обрушившимися условіями по типовому образцу. Въ этой женщинѣ я тщетно пытаюсь найти исчезающее, расплывающееся — свое. А нахожу чужое, сходное съ другими. Слѣдовательно и разсказывая о себѣ, я говорю о другихъ. Миѣ только удобнѣе разсматривать этихъ другихъ черезъ себя. Виднѣе. Такъ нѣтъ ничего скрытаго, ошибочнаго, ложнаго, выдуманнаго.

Сейчасъ я долго смотрѣла на себя въ зеркало. Я видѣла лицо, которое совершенно не выражаетъ того, что за нимъ. Между тѣмъ это мое лицо. Случайная смѣсь длиннаго ряда поколѣній. Я совсѣмъ не хочу имѣть такое лицо. Не только потому, что оно некрасиво (хотя некрасивая женщина — неудавшійся замыселъ), а потому, что въ немъ нѣтъ моей сущности. Въ круглыхъ карихъ, маслянистыхъ глазахъ нѣтъ ни горѣнія, ни бунта. Въ спокойномъ состояніи они сонливы и невыразительны. Въ минуты отчаянья (я замѣтила), — глупы. Нѣтъ ничего безмысленнѣе карихъ глазъ — они всегда покожи на телячьи. Щеки уже не вырѣзаны правильнымъ нѣкогда оваломъ — казываются годы. Между изломанными темными бровями — двѣ продольныя морщинки. Темно рыжіе, стриженные тифомъ волосы, почти прямы и гладко зачесаны назадъ. Лобъ большой, выпуклый; широкий, татарскій носъ; жестко (или горько) по бабѣму поджатый ротъ. Потомъ начинающій отвисать подбородокъ и вянущая шея. Тѣло еще твердое, но уже начинающее полнѣть.

Все это меня возмущаетъ нестерпимымъ контрастомъ между сущимъ и должнымъ. Съ какимъ остервенѣніемъ я сорвала бы эту старѣющую кожу, выбросила груди, колышущіяся при ходѣбѣ, вырвала ненавистные, не такіе какъ хочу, глаза. Родиться съ неудоб-

34

Начало романа «Тело» («Числа», № 7–8, 1933).

“The Body”: introduction to the novel (“Numbers,” no. 7–8, 1933).

и «бабство» Екатерины Бакуниной¹⁷. Что лишній разъ указываетъ на то, что, по мнѣнію некоторыхъ критиковъ, писательнице совсемъ не хватало поэтического вкуса и чувства художественной меры.

¹⁷ «Кноррингъ женственна, между темъ какъ Бакуниной, видимо, близокъ душевный строй малявинскихъ баб, о которыхъ она упоминаетъ сочувственно» [31, с. 211].

Даже Михаил Цетлин, который настаивал на правдивости описанного Бакуниной жизненного опыта, указывал на то, что «в нем есть “общезначимость”» и отмечал, что речь идет именно о романе, «художественном синтезе искусств», а не о «человеческом документе», критиковал тягу писательницы к подражанию и «плохи влияния», к описанию сцен не столько «противных», сколько «смешных» в своей наивной убежденности и беспомощной фантазии» [33, с. 456].

Остальная часть эмигрантских критиков и литераторов, притом самых известных, подвергла роман суровой критике.

По мнению В. Ходасевича, вопрос о художественных качествах текста не должен был подниматься вовсе: банальный «человеческий документ» может заинтересовать «читателя» с таким же ограниченным умом» [32, с. 3], как у героини Бакуниной. Именитый парижский критик был крайне чувствителен к «словарю» [31, с. 211] любого писателя или поэта, так что «тельная» лексика, «скорбно-бесстыжее оголение своих половых мук» [26, с. 263] никоим образом не могли иметь хоть сколько-нибудь важное значение для русской литературы: «<...> даже и в наши грубые времена хотя бы оттенок стыдливости составляет не только эстетически желательное, но и этически необходимое свойство ее пола» [32, с. 3]. Иными словами, ни лексическо-стилистический выбор Бакуниной, ни провозглашенная ее героиней социальная модель поведения не заслуживали пристального внимания.

Зинаида Гиппиус написала отзыв на второй роман Бакуниной «Любовь к шестерым». Даже если замечания Гиппиус не направлены непосредственно на анализ романа «Тело», тем не менее оба произведения роднит тематическая общность: «Если у автора было намерение вскрыть “тайну женского” (Вл. Соловьев, Вейнингер), то способ надо признать безнадежным. “Женское” остается женским пока молчит. Начиная же само говорить о себе, превращается в бабье» [8, с. 478].

Критик Е.К.¹⁸ писала о том, что «Художник должен иметь чувство меры, которого у Бакуниной не хватает» [12, с. 8]. Ведущий литературный критик рижской газеты «Сегодня» Петр Пильский отмечал: «Почему-то “Тело” обрело хороший успех за границей <...> и (эта книга. — Ю.М.-С.) сорвала теперь все, самые последние, покровы, — сорвала так, что больше уже нечего срывать» [21, с. 3]. Обратим внимание на эмоционально повышенный градус речи Пиль-

¹⁸ По предположению Р. Янгирова, речь идет о Екатерине Кусковой — общественной деятельнице и публицистке. См.: [35].

ского — тоекратное повторение глагола «сорвать» с использованием превосходной степени прилагательного «последний», усиленного местоимением «все». С семантико-стилистической точки зрения, отзыв Пильского на второй роман Бакуниной, «Любовь к шестерым», красноречиво свидетельствует о полном неприятии попытки писательницы обратиться к телесному дискурсу на русском языке: книга «изборождена, испорчена, изгажена», «скверная точность скверных слов», «некоснеющий, болтливый язык», «чрезмерность», «необычность», «слух царапают и сверлят оголенные забубенные слова» [21, с. 3]. Стилистические повторы и градация, использование просторечного эпитета «забубенный» — все свидетельствует о неприемлемости текста Бакуниной и ее творческих интересов.

Петру Пильскому вторили Зинаида Шаховская и Надежда Городецкая, написавшие две рецензии на французском языке. По мнению З. Шаховской, «Тело» — всего лишь ходкий низкосортный товар, который легко найдет своего покупателя. Она настаивала на том, что «в русской литературе нет ни одного элемента, с которым “Тело” могло бы быть сопоставлено» [56, с. 351]. Не случайно в своей статье она с иронией замечала, что французские критики считают этот текст типично русским, — «как по-русски, скажут французы!» — тогда как русские читатели знают, что это на самом деле «очень по-французски» [56, с. 351]. Подобно П. Пильскому и З. Шаховской, Н. Городецкая отмечала, что «роман только выиграл от перевода» [43, с. 6] на французский язык, ведь всем известно, что «русскому языку вообще не свойственно передавать приторные и щекочащие тонкости эротики» [21, с. 3].

Получается, что ряд критиков отказывался видеть в романе Бакуниной текст, принадлежащий русской культуре, несмотря на то, что он был написан на русском языке! Критикам этот роман казался настолько далеким и чуждым как русскому языку, так и русской литературе, что даже сравнение с так называемыми авторами-«порнографами» начала века (М. Арцыбашев, М. Кузмин, Ф. Сологуб, Л. Зиновьева-Аннибал, А. Вербицкая и проч.) не могло считаться уместным. П. Пильский, З. Шаховская, Н. Городецкая поспешно приписывали русскому языку те качества («прямот<a>», «размашист<ость>», «красота и важность» [21, с. 3], духовность), которые на самом деле характеризовали русскую культуру и связанную с ней систему запретов и ограничений (стыд, художественная мера, литературный канон, книга — икона, писатель — пророк), лишая тем самым работу Бакуниной какой бы то ни было ценности. Ведь как пишет французский исследователь Анри Мешонник, «поскольку

язык и культура питают друг друга, чувство красоты или отторжения распространяется на все элементы языка. На слова» [17, с. 55]. Согласно данной оптике, слова, выбранные Бакуниной, нарушали все каноны меры и красоты, которых придерживалась эмигрантская критика. Даже Юрий Фельзен, представитель «молодого» поколения, приверженец новой литературной эстетики и нового «“голого” человека» считал, что писательница нашла совсем не те слова, что нужно, для описания телесного измерения.

Именно поэтому в целом вопрос телесности, поднятый Бакуниной, был наделен негативной культурной значимостью и рассматривался критикой как низкий, лишенный художественности элемент в серии бинарных оппозиций: сакральное (библейская «Песня песней») / профанное («человеческий документ», «дамская» литература), эротическое (высокая классическая трагедия, «Федра») / сексуальное («полов<a> неудач<a>» [32, с. 3]), вкус / отсутствие вкуса, мера / без- и чрезмерность¹⁹.

Сила воздействия художественного текста на читателя измеряется градусом реакции критики: текст побуждает читателя действовать, высказаться, облечь в слова порожденные им мысли и ощущения. Если реакция на роман Е. Бакуниной была крайне бурной и жесткой, — значит, писательница нанесла удар по одному из самых слабых мест, а именно: по устоявшимся русским культурным ценностям, наделенным позитивной значимостью. Писательница, пусть даже бессознательно, поставила проблему соотношения голое / нагое²⁰: смело прочертила границы того, о чем дозволено и не дозволено писать, попыталась противостоять «культурному риторическому ритму» [52, с. 190] эмиграции²¹.

Любопытно отметить тот факт, что примерно в одно время с романом Бакуниной выходит книга Колетт, озаглавленная «Эти удовольствия...» («Ces plaisirs...», 1932). Позднее она получила иное название — «Чистое и нечистое» («Le pur et l'impur», 1941). Одно из главных открытий, сделанных Бакуниной, заключается в том, что она возвела повседневное, банальное, заурядное, грязное, бездуховное, телесное, нечистое в разряд героического, важного и значительного. Как писала сама Бакунина, ее главная героиня

¹⁹ См. подробнее: [49].

²⁰ См. подробнее: [18].

²¹ О реакции Екатерины Бакуниной на критическую рецепцию ее первого романа можно узнать из переписки с Николаем Евреиновым: «Я слышу столько осуждений своей книжки, которые переносятся и лично на меня, что сама ужасась содеянному» [16, с. 15].

(как в романах, так и в стихах) — это баба, кликуша: «Побуждение одно — нестерпимость молчания. Оно особенно трудно женщине, естеством своим поставленной под удар. И каждая женщина — потенциально — кликуша» [2, с. 255]. Женщина-кликуша — та, что кричит, голосит, плачет и страдает, зовет на помощь, просит о помощи, призывает выслушать ее, обратить внимание на ее горе. Есть ли у женщины-кликуши чувство вкуса и меры, на котором так настаивали критики?

Совершенно ясно, что писательница и ее читатели-критики говорили на разных языках и смотрели на «тельный вопрос» с различных точек зрения: многие эмигрантские критики оставались верны постулатам символизма, философии символизма и требованиям литературного канона, меры и вкуса, тогда как Бакунина писала и творила свою новую трансгрессивную героиню с опорой на французскую литературу и эстетические постулаты «молодого» поколения писателей во Франции.

В защиту «малого» автора

Роман «Тело» Екатерины Бакуниной породил множество откликов, отличающихся целой гаммой смысловых нюансов. И тем не менее важно сделать вывод о стереотипном и в чем-то абсолютно одномерном восприятии романа как русской, так и французской критикой. Если французская литературная критика часто стремилась к эссенциализации славянской души (страдания, гордость, распутство), то русская эмигрантская критика настаивала на «красоте и важности» русского языка и выдвигала на первый план застывшее понятие «мера», накладывавшее запрет или же ограничения на вербализацию определенных тем. Английская исследовательница Катриона Келли заметила, что стойкое неприятие телесного дискурса русской критикой — особенно если оно исходило от представительниц женского пола — явно свидетельствовало о «проблемах, с которыми сталкивались русские женщины, когда им нужно было найти художественный язык, подходящий для описания сексуальных вопросов» [46, с. 271].

Что касается искренности и, как часто говорили читатели Бакуниной, «правдивости» ее повествования, то французская критика рассматривала телесное как неотъемлемый (типично русский или же универсальный) компонент романа, свидетельствующий о глубине переживаний и сомнений героини. Тогда как русская критика, если бы могла, скорее вычеркнула бы все «сомнительные» и «аля-

поватые» пассажи из текста, дабы не портить книгу ненужными словами.

Изучение такого «малого» автора, как Екатерина Бакунина, ставит вопрос о значимости ее творческого наследия. В начале прошлого века она олицетворяла негативную культурную значимость — бесстыдство, безвкусице, безмерность. Что и сохранилось в архивах культурной памяти и сформировало репутацию автора на долгие годы. Но с течением времени взгляд на ее творчество изменяется. И сегодня оно как раз может быть наделено положительной культурной значимостью и прочитано совершенно по-другому современными литературоведами²². Исследователей интересует не только вопрос о жанровой принадлежности текстов писательницы (роман, «человеческий документ», эго-романистика), но и телесная тематика, а также вербализация запретных тем в литературе (эротическая vs порнографическая литература, гендерный анализ).

Внимательное чтение текстов писательницы позволяет вскрыть многослойный литературный контекст как во Франции (писатели/ писательницы и критики, писатели и цензура, писатели и порнографическая литература), так и в литературном мире русского зарубежья (литературная эстетика старшего и младшего поколений эмигрантских писателей, борьба литературных школ, «тельный вопрос» и «плохие влияния»), и указать на неоднозначное восприятие и прочтение ее текстов без упрощенной схематизации. Все «болтливые», «скверные», «ужасающие», «забубенные» слова находят сегодня своих читателей, и по праву свой полный смысл обретают рассуждения писательницы о возрасте книги: «И какое значение может иметь возраст книги? Она рождается каждый раз, как ее читают, и каждому являет свое лицо по-разному» [4, с. 264].

Наконец, анализ творчества писательницы позволяет сопоставить сферу телесного в русской и французской культурах и более подробно изучить историчность телесного в России и во Франции.

Литература

1. *Адамович Г.В.* Человеческий документ // Последние новости. 1933. № 4369. С. 3.

²² См. указанные ранее работы О. Демидовой (2000, 2003), А. Морар (2010), М. Рубинс (2017) и Ю. Маричик-Сьоли (2020). Отмечу, что на международной конференции в Лондонском университете королевы Марии («Ex Oriente Lux: Emigré Culture in Interwar France», 1–2 сентября 2023 г.) были запланированы доклады по телесной проблематике в творчестве Бакуниной.

2. Бакунина Е.В. Для кого и для чего писать // Числа. 1932. № 6. С. 255–256.
3. Бакунина Е.В. Любовь к шестерым. М.: Гелиос, 2001. 317 с.
4. Бакунина Е.В. Сигрид Ундсет // Числа. 1932. № 6. С. 264–265.
5. Бакунина Е.В. Стихи. Париж: Родник, 1931. 237 с.
6. Бакунина Е.В. Geneviève Faconnier. “Claude” // Числа. 1934. № 10. С. 295–296.
7. Варшавский В.С. О «герое» молодой эмигрантской литературы! // Числа. 1932. № 6. С. 164–172.
8. Гиппиус З.Н. Е. Бакунина. «Любовь к шестерым» // Современные записки. 1935. № 58. С. 478–479.
9. Городецкая Н.Д. Остров одиночества. Роман, рассказы, очерки, письма / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент А.М. Любомудрова. СПб.: Росток, 2013. 844 с.
10. Демидова О.Р. Женская проза и большой канон литературы русского зарубежья // Мы. Женская проза русской эмиграции / вступ. ст., сост. и коммент. О. Демидовой. СПб.: РХГИ, 2003. С. 3–18.
11. Демидова О.Р. «Эмигрантские дочери» и литературный канон русского зарубежья // Пол. Гендер. Культура / под ред. Э. Шоре, К. Хайдер. М.: РГГУ, 2000. С. 205–219.
12. Е.К. Женщины-писательницы русской эмиграции // Новое русское слово. 1935. № 8014. С. 8.
13. Извольская Е.А. Письма к А. Кашиной-Евреиновой // РГАЛИ. Ф. 982. Оп. 1. Ед. хр. 406.
14. Каспэ И.М. Искусство отсутствовать. Незамеченное поколение русской литературы. М.: НЛЮ, 2005. 190 с.
15. Коростелев О.А. «Парижская нота» и противостояние молодежных поэтических школ русской литературной эмиграции // Коростелев О.А. От Адамовича до Цветаевой. Литература, критика, печать Русского зарубежья. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, ИД «Галина скрипит», 2013. С. 303–345.
16. Маричик-Сьоли Ю. Письма Е.В. Бакуниной к Н.Н. Евреינוву (1931–1934). История «маленькой» писательницы // Литературный факт. 2022. № 3 (25). С. 8–24. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-8-24>
17. Мешонник А. Рифма и жизнь / пер. с франц. Ю. Маричик-Сьоли. М.: ОГИ, 2014. 399 с.
18. Нагота на сцене / под ред. Н. Евреинова. СПб.: Тип. Морского министерства, 1911. 124 с.
19. Одоевцева И.В. Зеркало. Избранная проза / вступ. ст., сост., и коммент. М. Рубинс. М.: Русский путь, 2011. 655 с.
20. Пильский П.М. Женское и женско-мужское // Сегодня. 1931. № 216. С. 3.
21. Пильский П.М. Любовь стареющих. О новом романе Е. Бакуниной «Любовь к шестерым» // Сегодня. 1935. № 200. С. 3.
22. Рубинс М. Жанр человеческого документа в русско-парижской прозе 1930-х годов // Литература русского зарубежья (1920–1940): взгляд из XXI века. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. С. 28–38.
23. Рубинс М. Русский Монпарнас. Парижская проза 1920–1930-х годов. М.: НЛЮ, 2017. 326 с.

24. *Савкина И.Л.* Пути, переулки и тупики изучения истории русской женской литературы // Женский вызов: русские писательницы XIX – начала XX века / под ред. Е. Строгановой и Э. Шоре. Тверь: Лилия Принт, 2006. С. 11–27.
25. *Сазонова Л.И.* Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени. М.: ИМЛИ РАН, 2012. 475 с.
26. *Степун Ф.А.* Пореволюционное сознание и задача эмигрантской литературы // Критика русского зарубежья / сост., коммент. О.А. Коростелева, Н.Г. Мельникова. М.: Олимп, 2002. Т. 1. С. 246–264.
27. *Тератиано Ю.К.* Человек 30-х годов // Числа. 1933. № 7–8. С. 210–212.
28. *Тиханов Г.* Русская эмигрантская литературная критика и теория между двумя мировыми войнами // История русской литературной критики. Советская и постсоветская эпохи / под ред. Е.А. Добренко, Г. Тиханова. М.: НЛЮ, 2011. С. 335–367.
29. *Фельзен Ю.* Екатерина Бакунина. «Тело» // Числа. 1933. № 9. С. 217–218.
30. Французские и франкоязычные рукописи в России (XVIII – начало XX в.) / под ред. Е.Е. Дмитриевой и А.В. Голубкова. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 575 с.
31. *Ходасевич В.Ф.* «Женские» стихи // *Ходасевич В.Ф.* Собр. соч.: в 4 т. М.: Согласие, 1996. Т. 2. С. 208–212.
32. *Ходасевич В.Ф.* Книги и люди. «Тело» Е. Бакуниной // Возрождение. 1933. № 2900. С. 3–4.
33. *Цетлин М.О.* Екатерина Бакунина «Тело» // Современные записки. 1933. № 53. С. 454–456.
34. *Эконен К.* Творец, субъект, женщина. Стратегии женского письма в русском символизме. М.: НЛЮ, 2011. 400 с.
35. *Янгиров Р.М.* Тело и отраженный свет. Заметки об эмигрантской прозе и о ненаписанной книге Зинаиды Гиппиус «Женщины и женское» // Новое литературное обозрение. 2007. № 86. С. 183–206.
36. [Анонимный автор]. *Romans et nouvelles* // Bulletin des lettres. 1934. № 31. P. 210.
37. *Armaganian-Le Vu G.* Les Mnémosynes des “Rives de la Néva et des Rives de la Seine”: les mémoires d’Irina Odoeveva et de Nina Berberova // La Poétique autobiographique à l’âge d’Argent et au-delà. Lyon: Centre d’études slaves André Lirondelle, Université Jean Moulin Lyon 3, 2016. P. 125–139.
38. *Bakounine C.* Le Corps. Paris: Stock, 1934. 187 p.
39. *Barjac C.* A travers tout l’imprimé // La Grande revue. 1934. T. CXLV. P. 515.
40. *Childs P.* Modernisme. London: Routledge, 2017. 240 p.
41. *Delany P.* Literature, Money and the Market: From Trollope to Amis. Basingstoke: Palgrave, 2002. 243 p.
42. *Fauconnier G.* Claude. Paris: Stock, 1934. 279 p.
43. *Gorodetzky N.* Un livre russe // L’Intransigeant. 1934. 5 août. P. 6.
44. *Huyssen A.* After the Great Divide. Modernism, Mass Culture, Postmodernism. Bloomington: Indiana University Press, 1986. 244 p.
45. *Iswolsky H., Kachina A.* La Jeunesse rouge d’Inna. Paris: Eds de France, 1928. 224 p.
46. *Kelly C.* A History of Russian Women’s Writing (1820–1992). Oxford: Clarendon Press, 1994. 497 p.
47. *Lanoë J.* Le Corps // La Nouvelle revue française. 1934. T. XLIII. P. 919.

48. *Livak L.* How It Was Done In Paris. Russian Emigré Literature and French Modernism. Madison: University of Wisconsin press, 2003. 316 p.

49. *Maritchik-Sioli Y.* “Filles d’émigration.” Les femmes écrivains russes en France (1920–1940): le “génie de la médiocrité” à l’épreuve de la modernité: Thèse de doctorat en Etudes Slaves. Grenoble, 2020. 350 p.

50. *Maritchik-Sioli Y.* “La Jeunesse rouge d’Inna.” Un roman “de choc” à l’adresse des Français // Regards croisés sur la mémoire de la Révolution russe en exil (1917–2017). Lyon: Université Jean Moulin Lyon 3, 2019. P. 243–256.

51. *Marsan E.* Les livres et les hommes. “Les deux extrémités...” // *Comœdia*. 1934. № 8004. P. 3.

52. *Meschonnic H.* Politique du rythme, politique du sujet. Lagrasse: Verdier, 1995. 615 p.

53. *Milligan J.E.* The Forgotten generation. French Women Writers of the Inter-War Period. Oxford; New York: Berg, 1996. 236 p.

54. *Morard A.* De l’émigré au déraciné. La “jeune génération” des écrivains russes entre identité et esthétique (1920–1940). Lausanne: L’Age d’homme, 2010. 396 p.

55. *Sapiro G.* Juger la littérature. Les transformations des rapports entre critique et censure (XIXe–XXe siècles) // Censure et critique / sous la dir. de L. Macé, C. Poulouin, Y. Leclerc. Paris: Classiques Garnier, 2015. P. 267–280.

56. *Schakhowskoy Z.* Quelques livres // *Thyrse*. 1934. T. 31. P. 351.

57. *Simon P.-H.* “Le Corps” // *Esprit*. 1935. 1er mars. P. 969.

58. *Sohn A.-M.* “La Garçonne” face à l’opinion publique: type littéraire ou type social des années 20? // *Le Mouvement social*. 1972. № 80. P. 3–29.

59. *Stora-Lamarre A.* L’enfer de la IIIe République. Censeurs et pornographes (1881–1914). Paris: Imago, 1989. 248 p.

Research Article

“Very Russian, the French Would Say... Very French, the Russians Would Say”: The Metamorphosis of E. Bakunina’s Novel “The Body” in French and Russian Literary Criticism

© 2024. Youlia A. Maritchik-Sioli

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Abstract: The article is devoted to the reception of the novel “The Body” (1933) by emigré writer E.V. Bakunina in French and Russian literary criticism in the early 1930s. A number of researchers have already analyzed the responses of Russian critics to the publication of the novel but have not paid enough attention to a cross-sectional view of the perception of the writer’s work. This question is of interest insofar as it allows us to identify weaknesses and strengths of Bakunina’s work and rethink the

literary and cultural norms established in the early 20th century. One of the article's crucial questions is critics' reaction to the verbalization of the female character's body experience. In France, the literary context of the 1920s and 1930s, the presence of progressive journals, and some trends in the history of French literature contributed to the fleeting but genuine interest of critics in the novel. At the same time, the focus on preserving the best traditions of Russian literature in exile, the historical "memory of culture," and the requirement to observe the artistic measure led to a sharp rejection of body discourse among emigré critics. The conclusion focuses on the stereotypical perception of the novel by French and Russian literary criticism, and emphasizes the importance of studying the creative heritage of "minor" authors. If French literary criticism often perceived Bakunina's novel through the prism of the distinctive features of the "Slavic soul," then Russian criticism judged the writer's novel through an established grid of artistic criteria (measure, taste, femininity).

Keywords: "women's literature," "emigré daughters," reception, body discourse, artistic measure, "minor author."

Information about the author: Youlia A. Marichik-Sioli — PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-6173-6463>

E-mail: jouliamaritchik@mail.ru

For citation: Marichik-Sioli, Y.A. "‘Very Russian, the French Would Say... Very French, the Russians Would Say’: The Metamorphosis of E. Bakunina's Novel ‘The Body’ in French and Russian Literary Criticism." *Literaturnyi fakt*, no. 1 (31), 2024, pp. 217–241. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-217-241>

References

1. Adamovich, G.V. "Chelovecheskii document" ["Human Document"]. *Poslednie novosti*, no. 4369, 1933, p. 3. (In Russ.)
2. Bakunina, E.V. "Dlia kogo i dlia chego pisat'" ["For Whom and for What to Write"]. *Chisla*, no. 6, 1932, pp. 255–256. (In Russ.)
3. Bakunina, E.V. *Lubov' k shesterym* [*Some Love for Six Persons*]. Moscow, Gelios Publ., 2001. 317 p. (In Russ.)
4. Bakunina, E.V. "Sigrid Undset" ["Sigrid Undset"]. *Chisla*, no. 6, 1932, pp. 264–265. (In Russ.)
5. Bakunina, E.V. *Stikhi* [*Poems*]. Paris, Rodnik Publ., 1931. 237 p. (In Russ.)
6. Bakunina, E.V. "Geneviève Fauconnier. 'Claude'." ["Geneviève Fauconnier. 'Claude'."] *Chisla*, no. 10, 1934, pp. 295–296. (In Russ.)
7. Varchavski, V.S. "O 'geroe' molodoi emigrantskoi literatury!" ["About the 'Hero' of the Young Emigré Literature!"] *Chisla*, no. 6, 1932, pp. 164–172. (In Russ.)
8. Gippius, Z.N. "E. Bakunina. 'Lubov k shesterym'." ["E. Bakunina. 'Some Love for Six Persons'."] *Sovremennye zapiski*, no. 58, 1935, pp. 478–479. (In Russ.)
9. Gorodetskaia, N.D. *Ostrov odinochestva. Roman, rasskazy, ocherki, pis'ma* [*The Island of Loneliness. Novel, Short Stories, Essays, Letters*], ed., introd. article, text prep. and comm. by A.M. Lubomudrov. St. Petersburg, Rostok Publ., 2013. 844 p. (In Russ.)

10. Demidova, O.R. “Zhenskaia proza i bolshoi kanon literatury russkogo zharubezh’ia” [“Women’s Prose and a Great Literary Canon of Russian Abroad”]. *My. Zhenskaia proza russkoi emigratsii* [We. Women’s Prose of Russian Abroad], comp. and introd. by O. Demidova. St. Petersburg, Russian Christian University for the Humanities Publ., 2003, pp. 3–18. (In Russ.)

11. Demidova, O.R. “‘Emigrantskie docheri’ i literaturnyi kanon russkogo zarubezhia” [“‘Emigration Daughters’ and Literary Canon of Russian Abroad”]. Shore, E., and K. Khaider, editors. *Pol. Gender. Kultura* [Sex. Gender. Culture]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2000, pp. 205–219. (In Russ.)

12. E.K. “Zhenshchiny-pisatel’ nitsy russkoi emigratsii” [“Women Writers of Russian Emigration”]. *Novoe russke slovo*, no. 8014, 1935, p. 8. (In Russ.)

13. Izvolskaia, E.A. “Pis’ma k A. Kashinoi-Evreinovoi” [“Letters to A. Kashina-Evreinova”]. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva* [Russian State Archive of Literature and Art], coll. 982, aids 1, fol. 406. (In Russ.)

14. Kaspe, I.M. *Iskusstvo otsutstvovat’. Nezamechennoe pokolenie russkoi literatury* [The Art of Being Absent. The Unnoticed Generation of Russian Literature]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2005. 192 p. (In Russ.)

15. Korostelev, O.A. “‘Parizhskaia nota’ i protivostoianie molodezhnykh poeticheskikh shkol russkoi literaturnoi emigratsii” [“Paris Note’ and Confrontation Between Youth Poetry Schools of Russian Literary Emigration”]. Korostelev, O.A. *Ot Adamovich to Tsvetaevoi. Literatura, kritika, pechat’ Russkogo zarubezhia* [From Adamovich to Tsvetaeva. Literature, Criticism, Publishing of Russian Abroad]. St. Petersburg, N.I. Novikov Publ., Galina skriptsit Publ., 2013, pp. 303–345. (In Russ.)

16. Marichik-S’oli, Iu.A. “Pis’ma E.V. Bakuninoi k N.N. Evreinovu. Istoria ‘malen’koi’ pisatel’ nitsy” [“Letters of E.V. Bakunina to N.N. Evreinov (1931–1934). History of a ‘Minor’ Woman Writer”]. *Literaturnyi fakt*, no. 3 (25), 2022, pp. 8–24. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2022-25-8-24> (In Russ.)

17. Meshonnik, H. *Rifma i zhizn’* [The Rhyme and the Life], trans. from French by Iu. Marichik-S’oli. Moscow, Ob’edinennoe gumanitarnoe izdatel’stvo Publ., 2014. 399 p. (In Russ.)

18. Evreinov, N., editor. *Nagota na stsene* [Nudity on Stage]. St. Petersburg, Tipografia Morskogo ministerstva Publ., 1911. 124 p. (In Russ.)

19. Odoevtseva, I.V. *Zerkalo. Izbrannaia proza* [The Mirror. Selected Prose], introd. article, comp. and comm. by M. Rubins. Moscow, Russkii put’ Publ., 2011. 655 p. (In Russ.)

20. Pil’skii, P.M. “Zhenskoe i zhensko-muzhskoe” [“The Feminine and the Femino-Masculine”]. *Segodnia*, no. 216, 1931, p. 3. (In Russ.)

21. Pil’skii, P.M. “Liubov’ stareushchikh. O novom romane Ekateriny Bakuninoi ‘Liubov’ k shesterym’.” [“The Love of Aged Persons. Some Words about Ekaterina Bakunina’s New Novel ‘Some Love for Six Persons.’”] *Segodnia*, no. 200, 1935, p. 3. (In Russ.)

22. Rubins, M.O. “Zhanr chelovecheskogo dokumenta v russko-parizhskoi proze 1930-kh godov” [“Genre of Human Document in Russian-Parisian Prose of the 1930s”]. *Literatura russkogo zarubezhia (1920–1940): vzgliad iz XXI veka* [Literature of Russian Abroad: A Look from the 21st Century]. St. Petersburg, Faculty of Philology of St. Petersburg State University Publ., 2008, pp. 28–38. (In Russ.)

23. Rubins, M.O. *Russkii Monparnas. Parizhskaia proza 1920–1930-kh godov* [Russian Montparnasse. Parisian Prose of the 1920–1930s]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 325 p. (In Russ.)

24. Savkina, I.L. "Puti, pereulki i tupiki izuchenia istorii russkoi zhenskoi literatury" ["Ways, Alleyways and Impasses of the History of Russian Women's Literature Studies"]. Stroganova, E., and E. Schore, editors. *Zhenskii vyzov: russkie pisatel'nitsy XIX – nachala XX veka* [Women's Challenge: Russian Women Writers of the 19th – the Early 20th Centuries]. Tver, Lilia Print Publ., 2006, pp. 11–27. (In Russ.)
25. Sazonova, L.I. *Pamiat' kul'tury. Nasledie Srednevekovia i barokko v russkoi literature Novogo vremeni* [Cultural Memory. The Legacy of the Middle Ages and the Baroque in Russian Literature of the Modern Times]. Moscow, IWL RAS Publ., 2012. 475 p. (In Russ.)
26. Stepun, F.A. "Porevolutsionnoe soznanie i zadacha emigrantskoi literatury" ["Postrevolutionary Mentality and the Objective of the Emigré Literature"]. *Kritika russkogo zarubezhia* [Literary Criticism of Russian Abroad], vol. 1, comp. and comm. by O.A. Korostelev, N.G. Mel'nikov. Moscow, Olimp Publ., 2002, pp. 246–264. (In Russ.)
27. Terapiano, Iu.K. "Chelovek 30-kh godov" ["The Man of the 1930s"]. *Chisla*, no. 7–8, 1933, pp. 210–212. (In Russ.)
28. Tikhonov, G. "Russkaia emigrantskaia literaturnaia kritika i teoriia mezhdru dvumia mirovymi voynami" ["Russian Emigré Literary Criticism and Theory Between Two World Wars"]. Dobrenko, E.A., and G. Tikhonov, editors. *Istoriia russkoi literaturnoi kritiki. Sovetskaia i postsovetskaia epokhi* [History of Russian Literary Criticism. Soviet and Postsoviet Epochs]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011, pp. 335–367. (In Russ.)
29. Fel'zen, Iu. "Ekaterina Bakunina. 'Telo'." ["Ekaterina Bakunina. 'The Body'."] *Chisla*, no. 9, 1933, pp. 217–218. (In Russ.)
30. Dmitrieva, E.E., and A.V. Golubkov, editors. *Frantsuzskie i frankoiazychnye rukopisi v Rossii (XVIII – nachalo XX v.)* [French and Francophone Manuscripts in Russia (the 18th – the Beginning of the 20th Century)]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. 575 p. (In Russ. and in French)
31. Khodasevich, V.F. "Zhenskii' stikhi" ["Female' Poems"]. Khodasevich, V.F. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected Works: in 4 vols.], vol. 2. Moscow, Soglasie Publ., 1996, pp. 208–212. (In Russ.)
32. Khodasevich, V.F. "Knigi i ludi. 'Telo' E. Bakuninoi" ["Books and People. E. Bakunina's Novel 'The Body'."] *Vozrozhdenie*, no. 2900, 1933, pp. 3–4. (In Russ.)
33. Tsetlin, M.O. "Ekaterina Bakunina. 'Telo'." ["Ekaterina Bakunina. 'The Body'."] *Sovremennye zapiski*, no. 53, 1933, pp. 454–456. (In Russ.)
34. Ekonen K. *Tvoret's, sub"ekt, zhenshchina. Strategii zhenskogo pis'ma v russkom simvolizme [Creator, Subject, Woman. Strategies of Women's Writing in Russian Symbolism]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. 393 p. (In Russ.)
35. Iangirov, R.M. "Telo i otrazhennyi svet. Zametki ob emigrantskoi proze i o nenapisannoi knige Zinaidy Gippius 'Zhenshchiny i zhenskoe'." ["Body and Reflected Light. Notes about Emigré Prose and the Unwritten Book of Zinaida Gippius 'Women and the Feminine'."] *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 86, 2007, pp. 183–206. (In Russ.)
36. [Anonymous Author]. "Romans et nouvelles." *Bulletin des lettres*, no. 31, 1934, p. 210. (In French)
37. Armaganian-Le Vu, Gayaneh. "Les Mnémosynes des 'Rives de la Néva et des Rives de la Seine': les mémoires d'Irina Odoevceva et de Nina Berberova." *La Poétique autobiographique à l'Age d'argent et au-delà*. Lyon, Centre d'études slaves André Lirondele, Université Jean Moulin Lyon 3, 2016, pp. 125–139. (In French)
38. Bakounine, Catherine. *Le Corps*. Paris, Stock, 1934. 187 p. (In French)

39. Barjac, Claude. "A travers tout l'imprimé." *La Grande revue*, vol. 145, 1934, p. 515. (In French)
40. Childs, Peter. *Modernisme*. London, Routledge, 2017. 240 p. (In English)
41. Delany, Paul. *Literature, Money and the Market: From Trollope to Amis*. Basingstoke, Palgrave, 2002. 243 p. (In English)
42. Fauconnier, Geneviève. *Claude*. Paris, Stock, 1934. 279 p. (In French)
43. Gorodetzky, Nadejda. "Un livre russe." *L'Intransigeant*, 5 août, 1934, p. 6. (In French)
44. Huyssen, Andreas. *After the Great Divide. Modernism, Mass Culture, Postmodernism*. Bloomington, Indiana University Press, 1986. 244 p. (In English)
45. Iswolsky, Helene, et Anna Kachina. *La Jeunesse rouge d'Inna*. Paris, Eds de France, 1928. 224 p. (In French)
46. Kelly, Catriona. *A History of Russian Women's Writing (1820–1992)*. Oxford, Clarendon Press, 1994. 497 p. (In English)
47. Lanoë, Julien. "Le Corps." *La Nouvelle revue française*, t. 43, 1934, p. 919. (In French)
48. Livak, Leonid. *How It Was Done In Paris. Russian Emigré Literature and French Modernism*. Madison, University of Wisconsin press, 2003. 316 p. (In English)
49. Maritchik-Sioli, Youlia. "Filles d'émigration." *Les femmes écrivains russes en France (1920–1940): le "génie de la médiocrité" à l'épreuve de la modernité: Thèse de doctorat en Etudes Slaves*. Grenoble, 2020. 350 p. (In French)
50. Maritchik-Sioli, Youlia. "'La Jeunesse rouge d'Inna.' Un roman 'de choc' à l'adresse des Français." *Regards croisés sur la mémoire de la Révolution russe en exil (1917–2017)*. Lyon, Université Jean Moulin Lyon 3, 2019, pp. 243–256. (In French)
51. Marsan, Eugène. "Les livres et les hommes. 'Les deux extrémités...'" *Comœdia*, no. 8004, 1934, p. 3. (In French)
52. Meschonnic, Henri. *Politique du rythme, politique du sujet*. Lagrasse, Verdier, 1995. 615 p. (In French)
53. Milligan, Jennifer E. *The Forgotten generation. French Women Writers of the Inter-War Period*. Oxford, New York, Berg, 1996. 236 p. (In English)
54. Morard, Annick. *De l'émigré au déraciné. La "jeune génération" des écrivains russes entre identité et esthétique (1920–1940)*. Lausanne, L'Age d'homme, 2010. 396 p. (In French)
55. Sapiro, Gisèle. "Juger la littérature. Les transformations des rapports entre critique et censure (XIXe–XXe siècles)." Macé, Laurence, Claudine Poulouin, et Yvan Leclerc, éditeurs. *Censure et critique*. Paris, Classiques Garnier, 2015, pp. 267–280. (In French)
56. Schachowskoy, Zinaïda. "Quelques livres." *Thyrse*, t. 31, 1934, p. 351. (In French)
57. Simon, Pierre-Henri. "Le Corps." *Esprit*, 1er mars, 1935, p. 969. (In French)
58. Sohn, Anne-Marie. "'La Garçonne' face à l'opinion publique: type littéraire ou type social des années 20?" *Le Mouvement social*, no. 80, 1972, pp. 3–29. (In French)
59. Stora-Lamarque, Annie. *L'enfer de la IIIe République. Censeurs et pornographes (1881–1914)*. Paris, Imago, 1989. 248 p. (In French)